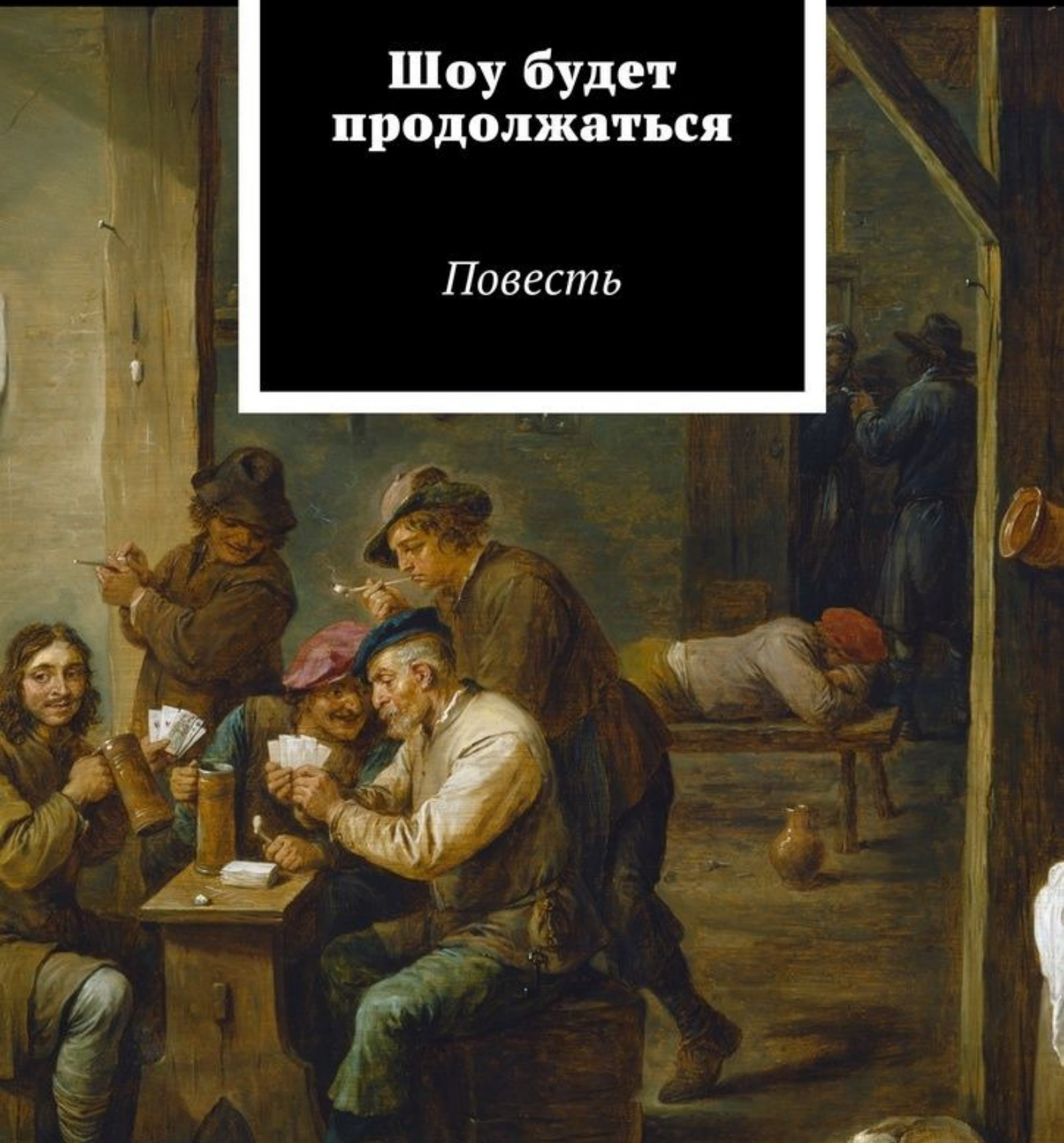

18+

Юрий Меркеев

**Шоу будет
продолжаться**

Повесть

Юрий Меркеев

Шоу будет продолжаться. Повесть

«Издательские решения»

Меркеев Ю.

Шоу будет продолжаться. Повесть / Ю. Меркеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830383-8

Эта повесть о молодых людях на изломе эпох. После развала СССР и хлынувшей «свободы духа» многие потерялись, не зная, на какую духовную основу в жизни опереться. А может быть, служить идолу под названием «золотой телец»? Нет. Все герои этой повести своего рода «дон кихоты», которых бьет даже ветряная мельница. И все же они ищут и находят. Каждый — свое счастье. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-830383-8

© Меркеев Ю.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	13
3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Шоу будет продолжаться Повесть

Юрий Меркеев

Посвящается И. М.

© Юрий Меркеев, 2021

ISBN 978-5-4483-0383-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

В юности я посещал единственное в городе литературное объединение. Название у него было странное – «Ковчегары». Встречи проходили раз в месяц в здании краеведческого музея, где был один только зал, в котором фотографии и книги наших земляков соседствовали с чучелами волков, зайцев, лисиц и прочих представителей местной фауны. Наш руководитель, поэт-песенник Островский, шутя, пояснял, что «ковчегары» – это, своего рода, закодированное послание потомкам, записка, запечатанная в бутылку настоящего и брошенная в море вечности. Можно понимать, что каждый из нас, как кочегар, топил печь культурной жизни города. С другой стороны, все мы находились в Ноевом Ковчеге, где, как известно, «всякой твари было по паре». Наверное, такое определение «Ковчегаров» было точнее. Потому что персонажи местной культурной элиты были и в самом деле яркие, непохожие друг на друга, иногда гротесковые, фантастические, словно вытащенные из романов Гоголя или Салтыкова-Щедрина. Одним словом, *странные*. Впрочем, *не странные* люди не интересны. Мне, например, было бы пресно общаться с человеком, которого современные психологи «ободрали» бы до состояния «нормальности» по определению науки. Нормальный человек, на мой взгляд, не только не интересен, но и отпугивает своей нормальностью – по учебнику психологии, но не по образу *нормы психического здоровья*, которую указал в Евангелии Христос.

Странным был я, странными были наши «ковчегары».

Взять, к примеру, отставного военного Опричина Сергея Сергеевича. На встречи он всегда являлся в черном костюме, темной рубашке, красном галстуке. Приходил с таким скорбным выражением лица, будто шел не на собрание острословов и шутников, а на поминки по большой российской литературе. Лицо его было чисто выбрито, волосы с проседью аккуратно зачесаны наверх. В отличие от большинства коллег по цеху он не курил, не выпивал, строго следил за речью, не допуская дурных слов, регулярно посещал православную церковь, где еженедельно исповедовался и причащался. Свою прозу он никому не показывал, но часто выступал в роли праведного критика. Так однажды он обрушился с гневной речью на журналиста Тычкина, который писал статьи о бомжах, наркоманах, пьяницах в местную многотиражку.

– Я, конечно, люблю людей, – заявил Сергей Сергеевич с благодушной улыбкой. – Но не до такой степени, как вы, уважаемый журналист. Если меня попросят умыть и согреть теплом какого-нибудь бродягу, тут увольте! Моей христианской любви будет недостаточно. Я люблю только тех, кто уважает себя. А любовь из-под палки – это диктатура.

Тычкин промолчал, но Сергею Сергеевичу, видимо, нужна была ссора.

– Удивляет и настораживает ваша позиция, – продолжал он. – Лично я против того, что вы пишете. Посмотрите кругом, сколько радости, света?! А у вас? Зачем захламляете чистоту?

В нашем заседании был перерыв, и большинство литераторов бросилось на улицу во внутренний дворик утолить табачный голод. Я не курил и остался в музее, и стал невольным свидетелем бурной полемики.

– Представьте себе, идем мы по улице, радуемся солнцу, свету, облакам. Всю эту красоту кто создал? Бог. – Опричин строго посмотрел на журналиста. – Идем по улице дальше. Смотрим вниз под ноги и видим... – Отставной майор брезгливо поморщился, полагая, очевидно, что мы поняли, о чем он говорит.

– Вдруг видим человека, – неожиданно закончил фразу Тычкин и усмехнулся.

Сергей Сергеевич растерялся.

– Человека? – нахмурился он. – Даже если и человека. Смотри, какой человек, вот что я вам скажу. Если это какой-нибудь пьяница, бездельник...

– Как же так? – воскликнул журналист. – Ведь под ногами лежит человек, образ и подобие Божие. Бесценный дар, вечная душа, которая может стать чище уже здесь и сейчас. Стоит нам только отнестись по-человечески.

Опричин растерянно заморгал и нервно погладил бритый подбородок, очевидно, скучающий по бороде. Худой и нервный Тычкин был способен *отбрить* любого, кто пытался подвергнуть критике его публицистику. Андрей Ильич был из породы «зубастых журналистов», таким палец в рот не клади. Наивный Сергей Сергеевич рвался в бой – такова была его воинствующая натура.

– Ну, знаете ли! – возмутился он. – Вы ж ведь и об уголовниках пишете, товарищ журналист. Точнее, *господин* Тычкин, – съязвил отставник.

– Да, и об уголовниках, – ответил «зубастый». – А еще о проститутках, наркоманах, попрошайках разных мастей, о слабовольных и больных, которым нужна наша помощь. Скажите, разве они не люди? – Журналист невольно повернулся в сторону чучела волка. – Разве они не носят в душе образ Божий? Это я, атеист, спрашиваю у вас, верующего человека. Что ж нам с ними делать? Сослать за сто первый километр? А как же любовь христианская? Всепрощение? Кажется, митрополит Антоний Сурожский призывал в каждом человеке видеть икону Бога. И чем неопрятнее и старше икона, тем бережнее к ней нужно относиться, не так ли?

– Ооой... да вы, да вы... господин журналист, вы большой казуист, умеете словечками разбрасываться, – возмутился до багровых пятен на щеках Опричин. – Я совсем не то имел в виду. Вы все переиначили и вышли сухим из воды. Вот порода! Вам, на любимом, очевидно, блатном жаргоне, *рамсы* пора разводиться. В уголовной среде вы были бы авторитетом.

Лицо Сергея Сергеевича пылало от гнева. Меня он не стеснялся. И даже не замечал. Юнец какой-то сидит рядом. Блоха! Червь! Отдышавшись, он снова бросился в бой.

– Если я вижу растоптанный образ Бога, господин атеист, я его, конечно же, подниму и отнесу домой. Однако есть и тот, кто его растоптал. Довел, так сказать, до такого безобразия. И кто же его довел? А? Что скажете, товарищ казуист? Как прикажете мне к такому антихристу относиться? Ну, что же вы молчите? Они, эти пьяницы, наркоманы, падшие женщины сами топчут в себе образ Бога. Достойны ли они нашей жалости?

Тычкин снисходительно усмехнулся.

– Сергей Сергеевич, дорогой вы наш, – с сарказмом произнес он, – что ж вы человека-то раздвоили? На икону и антихриста? А это ж один человек. Слишком широк, говорил Федор Михайлович, слишком даже широк. Я б его сузил. Каждый человек имеет внутри себя свет, икону Бога, если хотите. И каждый его топчет. Потому что широк человек! Топчет злыми мыслями, неумением и нежеланием пожалеть, помочь, подать милостыню, пьянством, блудом, обжорством. Не так ли в православии понимается человек? Да мы все носим свет в своих душах и топчем его. Разве есть в нас хоть одна мысль небесной чистоты? Мы вот, к примеру, сейчас поговорили с вами, и желчь закипела в нас. И мы потоптали образ Божий. Нам бы с вами по-человечески пожалеть бедняг, подумать о помощи. Так нет же. Мы же ведь *пра-ааведные*?!

Сергей Сергеевич почему-то с гневом посмотрел на меня, будто это я вел с ним спор, а не Тычкин.

– Когда о чернухе начинают писать в газетах, она распространяется и в жизни, – стиснув зубы, пробормотал он. – Вам бы следовало поучиться у советских газет, таких, как «Правда» или «Известия». Вот где была высокая нравственность.

– Нравственность? – вырвалось у Тычкина. – Кажется, я начинаю вас понимать. Вы что же, и правда думаете, что умолчание в прессе делает людей нравственнее? Если следовать вашей логике, нужно запретить все книги, в которых есть так называемая чернуха. Это и «Преступление и наказание» Достоевского, и «Яма» Куприна, и «Леди Макбет Мценского уезда» Лескова. Умолчу об «Идиоте» и «Братьях Карамазовых». Да и Библия, наконец. Там рассказывается об убийстве Каином Авеля, о Содоме с Гоморрой, где местные жители возжелали

ангелов. В чем задача журналиста? Говорить только о той правде, которая имеет сахарный цвет и вкус? Так стошнит. Читателя же и стошнит.

Я с интересом посмотрел на Тычкина. Его позиция казалась мне правильной.

– Все вы, шелкоперы, в аду будете гореть. Как в известной басне Крылова «Разбойник и сочинитель». Разбойнику грех простился, а сочинителю нет. Потому что он своим ядом отравлял тысячи, а разбойник ограбил только одного. Зарубите себе это на носу, господин журналист. Гореть вам в аду!

Тычкин усмехнулся и отплатил майору той же монетой.

– А уж если вы там поблизости окажетесь, водички, чай, не подадите?

Опричин вскочил и начал нервно расхаживать по залу. В коридоре раздались голоса. Команда курильщиков возвращалась на заседание. Полемика между коллегами по цеху закончилась со счетом «один ноль» в пользу «акулы пера».

Сергей Сергеевич, очевидно, тяжело переносил такие поражения. Впервые за год посещения литературного объединения он решился прочитать вслух свой рассказ, который назывался «Печальная история». При этом он время от времени отрывался от текста и снисходительно поглядывал то на меня, то на Тычкина.

– Однажды солнечным летним днем я сидел на лавочке около церкви, – звучал его густой бас. – А рядом со мной в траве копошились детишки прихожан...

Тычкин спрятал ядовитую улыбку в ладони. Другие литераторы сделали серьезные лица и с интересом слушали Опричина.

– Копошились детишки прихожан, – продолжал Сергей Сергеевич. – Две девочки и один мальчик. Краем глаза я отметил, что все они увлечены царством насекомых. Девочки с восторгом разглядывали бархатного шмеля, который, жужжа, перелетал с цветка на цветок и собирал пыльцу. Черный толстенький труженик напомнил мне священника...

Тычкин не выдержал и рассмеялся. Островский погрозил ему пальцем и попросил автора продолжать. Серьезные лица литераторов оживились, многим показалось сравнение шмеля-труженика со священником забавным. Но Сергей Сергеевич не был профессиональным писателем, а потому и отношение коллег к его прозе было более чем снисходительное. Опричин вытащил из кармана платок и оттер выступивший на висках пот.

– Мальчик был занят божьей коровкой, – сурово поглядев на Тычкина, проговорил автор. – Вскоре девочки куда-то убежали, а ко мне, вытянув перед собой большой палец, по которому ползла божья коровка, подошел мальчик. Не понимая еще, что он хочет сделать, я ласково ему улыбнулся. И вдруг малыш с каким-то неестественным для его возраста садизмом взял и у меня на глазах раздавил в лепешку крохотное насекомое. Сделал он это осознанно и напоказ. Почувствовав, что совершил что-то плохое, мальчик отбросил раздавленное насекомое в траву и чему-то нехорошо рассмеялся. Я подозвал его к себе поближе. Он сделал шаг, и лицо его тут же приняло обиженное выражение. Он уже был готов к тому, что его будут ругать. Значит, что-то подобное в его жизни уже было? Малыш опустил взгляд в землю и надул губки. Зачем ты это сделал? – строго спросил я, ведь ей же было больно. Мальчик молчал. Я повторил свой вопрос. «А мне так захотелось», – ответил он, и тут же бросился в сторону девочек, которые появились из-за угла церковной ограды.

Сергей Сергеевич сделал паузу, оторвал глаза от текста и, обращаясь к литераторам, спросил:

– Такие вот червоточинки часто можно наблюдать в самых, казалось бы, незрелых плодах. Что это? Наследственность? Гены? Общее состояние человечества?

И тут же сам и ответил:

– И то, и другое, и третье.

Тычкин зевнул. Я не знал, как реагировать на такую назидательно-нравственную прозу, а потому, молча, вглядывался в лица профессионалов, которые почему-то были непроницаемо невозмутимы. Сергей Сергеевич снова уткнулся в текст.

– С тех пор прошло много лет, – патетически возвысил он голос. – Я уже почти забыл тот крошечный эпизод. Но, как это нередко бывает, сама жизнь подбросила его продолжение. Все эти годы я ходил в одну и ту же церковь. Туда же ходила и мама этого мальчика. Как-то раз она пришла на службу в черном платке с красными заплаканными глазами. Было заметно, что у нее что-то произошло. После трапезы староста храма Наталья Петровна рассказала о том, что у этой женщины погиб сын – тот самый, который когда-то беспечно играл с девчонками около церкви. Смерть его была ужасна. Вместе со своими товарищами он отправился воровать высоковольтные провода, которые делаются из цветного металла. Забравшись на каменный столб, мальчик схватил оголенный провод незащищенными руками и тут же получил электрический разряд такой силы, что моментально обгорел и упал вниз бездыханный.

Сергей Сергеевич отложил рукопись в сторону и, окидывая вопрошающим взглядом зал, сказал:

– Кто же виноват в смерти мальчика? Кто? Бог ли, который создал вселенную или же мальчик сам виноват?

– Мать, – крикнули с галерки. – Мать во всем виновата.

– Нечего было с малолетства в церковь тащить, – съязвил Тычкин. – Отбили охоту у мальчика жить по совести, а теперь спрашивают.

– Мда, – проговорил наш руководитель Островский. – Что ж, рассказ не плохой, однако... гм... гм... требует некоторой литературной доработки. Нам нужен рецензент. Кто возьмет домашнюю работу?

Мне стало жаль Сергея Сергеевича, и я поднял руку.

*** **

Шекспир назвал весь мир театром, а людей актерами. Желанна публике слава, приятны рукоплескания, награды. Что ж поделаешь? Просто люди. Но по мере взросления актерский авантюризм пропадает, тянет стать режиссером или автором сценария собственной жизни.

Я выросл вместе с литературным объединением, приходили новые люди, уходили старые... Через несколько лет умер Опричин, Островский. Тяжело заболел Тычкин. В то время мне казалось, что решение перестать играть чью-то роль приходит тогда, когда человек напрямую сталкивается с дыханием смерти, своих ли близких, или собственной. Начинаешь понимать, что с каждым глотком воздуха, с каждым исполненным желанием жизнь скукоживается подобно шагреновой коже. Однако мир продолжается, течет по упрямому руслу реки вечности, редко сворачивая на излучинах, потому что всякий человек – это набор привычек, дурных и хороших, чаще в перемешанном виде – коктейль из добра и зла. Главное, что изменить себя бывает почти невозможно. Только смерть как зубило срезает с души болезненные наросты. Если задумываться о смерти чаще, актерский авантюризм, вероятно, быстрее переплавится в желание стать соавтором жизни. И тогда выражение «судьба – это проявление характера и воли» зазвучит на особый лад.

Впрочем, писать сценарий своей жизни невероятно трудно. Проще, не думая, бросится в водоворот страстей, своих и чужих, ввязаться в борьбу, забыться, на время отодвинуть от себя момент истины, внушить себе и своим близким, что живешь правильно, утонуть в театральной игре, раствориться в хорошо поставленном шоу. Но у каждого человека в актерской карьере бывают минуты прозрения. Когда остаешься один на один с вечностью, тут уже не до игры. Притворяться, скоморошествовать стыдно.

У меня такие минуты бывали, когда я прогуливался рядом с местами, говорящими о вечности: церквами, кладбищами, сельскими погостами. Верхнее кладбище, где лежали мои друзья-литераторы, находилось в пяти минутах ходьбы от краеведческого музея. Иногда в литобъединение я приходил пораньше, чтобы побродить среди отеческих могил. Вот место, где нет театральных подмостков. Впрочем, шоу пытается пробиться даже туда, где плотно захлопнуты двери. Актерский авантюризм превращается в прах, когда рискует штурмовать царство Господа Бога.

– Глупые и тщеславные дети мои, писатели, поэты, артисты, – обращается Вседержитель устами гробового безмолвия. – Туда нет хода вашей шумной ватаге фигляров и гордецов. Вам дай волю, вы и царствие божие превратите в театр.

И ватага безумцев, стучаясь лбами о непроницаемую стену, почесывает больные головы, виновато улыбается и, не понимая до конца, что происходит, почтительно отходит в сторону.

В нашем «ковчеге» наступал новый миропорядок. Вместо Островского руководителем литобъединения стал молодой прозаик Давыдов, темный худошавый мужчина с хитрыми лисьими глазками, который тут же определил главную задачу культурного цеха – научиться зарабатывать деньги.

– Если вы хотите продавать свой продукт, – заявил он на первом же заседании. – Необходимо запомнить главную заповедь менеджмента: ваш продукт должен пользоваться спросом у большинства. Поэтому оставьте всякие интеллигентные штучки, философию. Пишите на том языке, на котором говорят простые люди. Ваши тексты должны схватывать читателя с первых же строк за горло.

– Как у бандитов, – шепнул кто-то из «стариков», и в зале раздался смех. – Нож к горлу. Кошелек или жизнь?

– Да, – не моргнув глазом, ответил Давыдов. – С сегодняшнего дня наше объединение будет называться «Новейшая русская литература».

После этих назидательных слов о задачах «новой русской литературы» я стал больше пить пиво на набережной и чаще навещать Верхнее кладбище. И хотя звон монет слышался в местах упокоения не реже, а даже иногда чаще, чем в мире литературы, театральное шоу на кладбище заканчивалось. Еще недавно, кажется, жив был смешной Опричин, ироничный Островский... Лучше был в то время мир или хуже, не знаю. Театра меньше не было. Разговоров о суетном тоже. Но о деньгах и о том, как их заработать, используя литературу, как продукт, не говорили. Стыдно. Культура не была еще коммерческим продуктом.

Желание стать богатым и здоровым естественно. Неестественно все силы души отдавать на это. Уродует ли страсть к богатству душу? Не знаю. Больших денег никогда не имел.

Как-то по этому поводу я разговорился с одним молодым священником, который, получив сан, вскоре оставил служение на приходе и вышел за штат.

– Изменился бы ты, если бы у тебя вдруг появились большие деньги? – спросил он меня однажды.

– Думаю, не стал бы другим, – поспешно ответил я и прибавил: – Ну, может быть, жертвовать стал бы больше?

Он улыбнулся лукаво и заметил:

– Ты просто не знаешь, что такое большие деньги и что они делают с душой.

Почему-то я вспомнил опричинское сравнение шмеля-труженника со священником и рассмеялся. Священники – те же люди со своим набором страстей.

Наверное, заштатный иерей был прав. Я не знаю, что такое большие деньги и как они воздействуют на душу. Американский писатель Фицджеральд как-то обмолвился: «Богатые – не такие, как мы с вами». На что Хемингуэй в присущей ему саркастической манере ответил: «Да, они не такие, как мы... *у них денег больше!*» Полагаю, что формулировка Фицджеральда вернее. Они не такие, как мы. И все же хочется верить в то, что само по себе богатство с нрав-

ственной точки зрения понятие нейтральное. Все зависит от того, как человек им распоряжается. А, значит, и распоряжается своей душой. Тяжело богатому войти в Царствие Божие. Тяжелее, чем верблюду пролезть в игольное ушко. Наверное, так же трудно, как нищему обрести Евангельский лик: без зависти, без упрека, без ропота, с любовью ко всякому ближнему, даже к тому, который, промчавшись мимо тебя на лакированной иномарке, обливает из лужи единственный приличный костюм. Тяжело.

Глядя на скромную могилку Островского, я подумал о том, что в наш век любить людей со всеми их недостатками может только святой, который умеет видеть свои собственные грехи, бесчисленные, как песок морской. Писатель чаще замечает грехи чужие, это и питает его творчество. Любовь... Красивое слово! Вспомнилось утверждение Камю о том, что в нашем мире нет любви, кроме той, которую мужчина испытывает по отношению к женщине, и наоборот. Иногда мне хочется согласиться с ним, особенно тогда, когда пристально вглядываешься в людей. Новейшая русская литература – это коммерческий проект. Так сказал Давыдов. Смогут ли с его точкой зрения согласиться наши «ковчегары»? Едва ли.

*** **

Одно время я всерьез увлекся японской литературой. Прочитал множество авторов, но особенно зацепил мое внимание Акутагава Рюноске, автор новеллы «Паутинка». Речь в ней идет о большом грешнике, который за спасенного когда-то паучка получает на том свете возможность выбраться из ада. Изнывая от мук, он вдруг видит паутинку, которую кто-то сбрасывает ему сверху, как веревочную лестницу (тут есть некоторое сходство с «Луковкой» из «Братьев Карамазовых» Достоевского). Под впечатлением этого рассказа я стал в шутку пытаться своих коллег по писательскому цеху вопросом: «А есть ли у тебя такой спасенный паучок? Или, может быть, поданная луковка?»

Шутки шутками, но однажды за пивом, после очередного заседания литобъединения, один из моих приятелей, от которого я никак не мог ожидать серьезности на эту тему, рассказал нам о своем спасенном «паучке», поданной им «луковке», причем сделал это без всякой иронии. Николай работал в милиции, несколько раз был в командировках на Северном Кавказе, получил ранение, был контужен, но в запас не ушел и трудился в архиве МВД, попутно публикуя свои воспоминания в нашем ежемесячнике «Новейшая русская литература», который начал выходить в бумажном переплете с приходом Давыдова.

«Когда ты приставал со своими шуточными вопросиками, – начал Николай тихим спокойным голосом, – я принялся вспоминать. Ну, просто интересно ведь иногда представить себе, что будет там? Вот умрешь ты, попадешь на тот свет, окажешься перед Богом. А он посмотрит на тебя, прищурившись, и скажет, как командир боевого расчета: «Ну-ка, боец, вспомни хоть один твой добрый поступок. Даю тебе на это тридцать секунд. Время пошло». Ну, каково? – Приятель обвел нас торжествующим взглядом. – Все это я, конечно, придумываю, но кто ж знает, как будет там? И вот представил я себя стоящим перед Богом и начал лихо радочно вспоминать, что ж я такого доброго сделал за свои тридцать пять лет? И, верите ли, парни, вспомнить было нечего! Думал – ну, у меня за плечами две войны, боевые награды, ранение. Ну и что? За добрые поступки боевые награды не дают. Где война, там добрых поступков не бывает. Там может быть праведный гнев на тех, кто творит зло. Но добро? Это понятие свободное от гнева. Стал я дальше размышлять. Часы-то тикают, время бежит. Вспомнил детство золотое. Ну, бывало, подерусь с хулиганами из-за девчонок, заступлюсь за них, а потом что-нибудь хулиганское и сам отчебучу. Нет, думаю, здесь и быть не может добра. Дальше стал думать. Вспомнил свою милицейскую работу. Нет, и тут не может быть добра. Уголовный розыск – авангард в борьбе с преступностью. Преступник должен сидеть, и для этого хороши все средства. Верите, пацаны, у меня аж мозги вспухли от таких шуточных вопросиков. Ничего

себе шутка! И вдруг меня осенило. Вспомнил. Был один такой случай в самом начале моей милицейской карьеры. Подал и я свою луковку, спас паучка. У нас тогда начальником уголовного розыска был капитан Тузов, зверь, а не человек. Из любого подозреваемого выбьет показания кулаками. В следственном отделе по этому поводу горько шутили: «У Тузова все явки с повинной подозрительно испачканы пятнами бурого цвета». Намекали на пятна крови. В общем, зверь был, а не человек. Я был у него тогда в подчинении.

Однажды мы работали по краже автомобиля из гаража какого-то местного чиновника. Тузову очень хотелось самому *приподнять*, то есть раскрыть кражу. Все-таки машина чиновника. Взял он меня и еще одного молодого опера с собой, и мы поехали по старым нашим «дружкам», которые раньше привлекались за угоны. Пробежали, как савраски, весь день. Результат нулевой. Тузов злой, как черт. Говорит, знаю, кто это сделал. Поехали брать в деревню Почаенку. Сели мы на оперативные «Жигули», приехали в деревню. Тузов какого-то паренька тащит за шкирку. На вид мальчишке лет тринадцать. Тщедушный такой, уши торчком, глаза навывкат. Это, говорит Тузов, известный в округе похититель мотоциклов Федька Пупырин по прозвищу Пупок. Сейчас, говорит, поработаем с ним в отделе, мигом расклад по машине получим. Федя аж затрясся от страха. Привезли его в отдел. А мальчишка тянет меня за рукав и, едва сдерживая слезы, шепчет: «Дяденька, пожалуйста, не бейте меня только по голове. У меня там пластина. Меня в детстве папка пьяный ударил по темечку каблуком маминой туфли и голову-то пробил. У меня там пластина, дяденька, вы меня только по голове не бейте!» Так меня, парни, эти слова за сердце схватили. Просто не вмоготу. Вижу, что не мог этот малец машину украсть. Чувствую, что не мог. Чутьем оперативника... да и по-человечески все ясно. А Тузов хорохорится, начинает паренька запугивать, как это иногда практикуют в уголовном розыске. Мы, говорит, тебя сначала наручниками к железному косяку подвесим, потом *эрпэшкой* поработаем. Знаешь, что такое эр-пэ? Резиновая палка. Демократизатор. Хоро-оошая вещь. Следов почти не оставляет, а бьет больно. Косточки хрустят. А самый смак – это по голове.

Только он сказал эти слова, малец вздрогнул, такой ужас застыл в его глазах, что мне не по себе стало. Сказал я Тузову, дай мне час, я сам с ним поговорю. Тузов, естественно, согласился, потому что прекрасно и сам знал, что малец никакого отношения к этой краже не имеет. Я отвел паренька в свой кабинет, накормил его, напоил горячим чаем и, как мог, успокоил. А затем улучил момент, когда в коридоре никого не было, вывел парня на улицу, сунул ему сотню и сказал, чтобы на ближайшем автобусе он немедленно возвращался в деревню.

Тузов мне потом долго не мог простить этого самоуправства. Ведь милиция... да не только милиция, любая система вообще – это стая. Если пойдешь против ее законов, она тут же поставит тебя на место. Мне этот случай, наверное, год припоминали. Часто за спиной у себя слышал – этому оперу, дескать, нужно в детском саду работать. Сопельки у детишек вытирать.

Вот такой, парни, у меня имеется спасенный «паучок». Когда окажусь в аду за свои грехи, может быть, Господь сжалится и сбросит мне паутинку».

2

Алексей Монахов появился в музее в то время, когда я собирался покидать литобъединение навсегда. Мудрый Островский говорил нам, что литературное творчество – это пожизненный крест, форма психотерапии. Молодой Давыдов утверждал, что это лишь форма заработка денег. И поэтому наши встречи в музее в последнее время носили откровенно бухгалтерский характер: люди делились между собой, где и как можно было получить гонорар за красиво изложенные мысли. Члены «Новейшей русской литературы» превращались в поденщиков, обслуживающих бизнес-элиту, писали рекламные статьи, сочиняли политические слоганы. От свободного творчества осталась лишь оболочка – красивая упаковка под названием «Н.Р.Л.».

Со скандалом ушла даже Маргарита Лопухина, которая стояла у истоков литературного объединения. Конечно, она была весьма эксцентричной личностью, однако с ее странностями большинство местных писателей смирились, тем более что однажды ее сатирический рассказ попал в известный российский журнал. Марго (так ее снисходительно ласково именовали в объединении) – вечно прокуренная, но еще крепкая дамочка лет сорока пяти с выраженными гормональными нарушениями: короткая стрижка под мальчика, сиплый грубоватый голос, черные усики, – работала учительницей литературы в одной из гимназий города. Приблизительно раз в три месяца приносила на заседания огромную стопу рукописных листов, швыряла их небрежно на стол патрона и изрекала фразу, от которой молодые литераторы покатывались со смеху.

– Вот, – скромно потупив глазки, говорила она. – На досуге роман накропала. Дайте кому-нибудь из этих охламонов на рецензию.

Литераторы все, как один, опускали глаза, чтобы не встретиться взглядом с автором очередного «шедевра», так как заранее знали, что все романы Марго состояли из откровенного эротического бреда, разворачивающегося на фоне гимназической жизни. В ее романах пятиклассники страстно признавались ей в любви, а мальчишки постарше готовы были сражаться на кулаках на школьном дворе ради ее благосклонного взгляда. Однако Маргарите Степановне было наплевать на чужое мнение. Она считала себя опытным прозаиком, тем более что один из ее рассказиков по какой-то злой иронии все же угодил в известный российский журнал. И с этим обстоятельством волей-неволей нужно было считаться. Сама же Марго обрушивалась с критикой на всех, кроме себя, разумеется. По большому счету все ее опусы были бы интересны разве что клиническим психиатрам, но – увы – все намеки на бездарность и отклонения воспринимались ею, как следствие черной зависти к ее пока еще не признанному во всем мире таланту.

– Сальвадора Дали некоторые критиканы называли великим мастурбатором, – отбивалась она. – А сейчас попробуйте купить его картину?

Говорить с Марго о духовном содержании творчества было бесполезно. Она была настолько поглощена собой, горда и самодовольна, что слушала собеседника в четверть уха, а то и вовсе не слушала. Лишь говорила.

Нам было удивительно, когда после неожиданно резкой критики Давыдова, наша Марго хлопнула дверью, бросив на ходу язвительное замечание: «Ну и оставайтесь тут лапти щами хлебать. Вы еще услышите мое имя. Назло вам стану известной писательницей». Забегая вперед, скажу – стала. Спрос на ее школьную эротику возник лавинообразно. Известные столичные издательства ссорились между собой за право выпустить очередной опус школьной учительницы.

Впрочем, я хотел рассказать о действительно талантливом писателе, который появился в «Новейшей русской литературе». Алексей Монахов, тихий скромный худощавый молодой человек лет тридцати, принес свой первый роман, напечатанный провинциальным издатель-

ством небольшим тиражом. Роман назывался «Низость высоты» и касался предметов глубоких и серьезных. Это был роман-притча о человеке, который пытается понять и осуществить в своей жизни принцип Вселенской Любви. Занятие столь же благородное, сколь и призрачное. У него получился современный Дон Кихот, князь Мышкин, беспочвенный мечтатель и идеалист. Однако написан роман был блестяще, и все, кто прочитал его, отозвались об авторе, как очень талантливом человеке. Алексей, кажется, был лишен тщеславия и не раз повторял, что литература никогда не была для него самоцелью, скорее средством, по его же выражению – своеобразной формой психотерапии. Но ведь это лишь способ жить, а не умение умирать. Две разные по глубине вещи: способность выживать и умение умирать. У Алексея было своеобразное чувство юмора и самоиронии – два, на мой взгляд, ценнейших качества человека. Он шутил, что когда только приступал к написанию романа, в его голове вертелась фраза из Ницше: «Потому и люблю я тщеславных, что они врачи души моей, и лечат меня, как зрелищем». Когда же заканчивал роман, то отзывался о тщеславии, как о страсти, которую, по слову святого Иоанна Лествичника, нужно остерегаться подобно яду змеиному.

– Я писал его потому, что сам чувствовал острейшую потребность научиться любить, – так однажды он заявил на заседании «Новейшей русской литературы».

– Когда ты перестаешь делать что-то ради рукоплескания толпы, то начинаешь взрослеть, – прибавил он, и мне показалось его замечание очень созвучным с моими представлениями о жизни.

В короткое время мы подружились. После музея частенько заглядывали в пивной бар, где продолжали беседы. У меня сложилась довольно ясная картина последнего года его жизни в крошечном городке Н., где он работал в местной газете журналистом и в свободное время писал роман. Я поинтересовался, можно ли мне поведать его историю, на что Алексей с улыбкой согласился и снисходительно махнул рукой.

– Писателем я не буду. Это не по мне, – ответил он. – Душой займусь. Ее вычищать нужно, как авгиевы конюшни. А на это силы нужны.

*** **

Если можно было бы научиться разгадывать человека по его лицу, тогда в каждом из нас читались бы истории вселенских масштабов. Невидимая жизнь протекает внутри, пробиваясь вовне лишь в узловые моменты: на губах проявляется линия скорби, у глаз морщинки рассыпаются подобно солнечным лучам или дождю, сквозь улыбку угадывается печаль о потерянном времени. Сняв этот первый поверхностный анализ, пытаешься проникнуть глубже, и неожиданно проваливаешься в область *тайны*, где действуют свои особенные законы. Бывает у человека двоемыслие, то есть одновременно можно желать добра, не освободившись от зла. Наверное, бывает и троемыслие...

Человек далеко не двусоставен, как считал британец Льюис, в нем действительно много от ангела и от кота. Но не меньше в нем и от волка, свиньи, носорога... святого, грешного, Бога и дьявола. В таких случаях исследователь просто снимает шляпу и говорит, пожимая плечами: «Познавать человека через инструментарий искусства – это значительно упрощать его». Не до такой, конечно, степени, как это происходит в традиционном китайском театре масок, где герой, носитель «застывшего лица», является воплощением довлеющей в нем страсти – подлости ли, трусости, или, напротив, смелости, героизма. Но упрощать до *известных пределов*. До порога тех величин, где начинают действовать привычные, видимые всем нам законы. Ибо разобраться в той невидимой области человеку нет возможности. Мы и себя-то не видим. Предпочитаем рафинированное отражение своего «я». Бывают единичные прорывы, скачки в вечность, но это уже удел гения.

Совершенно бесстрастных иконописных лиц нет. Живой человек всегда имеет следы страстей, даже когда он с ними борется, побеждает или терпит поражения, падает или встает с колен, из раба превращается в хозяина, из хозяина в раба: на лице пробьется мучительная баталия с самим собой, со своей натурой. Впрочем, встречаются лица-обманки. Посмотришь на человека – кажется, он решительный, волевой, целеустремленный, а заглянешь чуть глубже – пустышка. Вероятно, таких людей можно объединить одним словом – актеры. Лицедеи с большой буквы, это когда маска со временем врастает в лицо и становится одним целым с человеком. Хламида, пропитанная кровью кентавра. Шкура, ставшая кожей Геракла и погубившая героя, бросившегося от боли в костер.

Физиогномика – наука скользкая.

Впрочем, есть категория людей, стоящих в этой науке как бы особнячком. В их внешности, подчас самой, кажется, заурядной, при ближайшем рассмотрении можно обнаружить фатальность, печать некоего предзнаменования, печальную красоту. Не меланхолию, нет, ибо они, как и все прочие, полны жизни. На их челе словно отражается вселенская скорбь. Таких людей выдает взгляд – как будто слегка отстраненный от мира, но глубокий и пронизательный. Живя в привычной для нас суете, эти люди нутром ощущают, что вся жизнь – это принадлежность вечности. Поэтому они, порой, рассеянны в быту, не практичны. Между тем, выделяет их отсутствие какой-либо робости. Они не боятся жить, потому что не боятся умирать. Ведь жизнь и медленное умирание – это по сути одно и то же. По натуре эти люди почти всегда бунтари. Но их бунт внутренний, духовный. Чаще всего они бунтуют против пошлости, мещанства, глянцевого эстетика толпы.

Алексей Монахов вполне мог бы сойти за такого бунтаря, если бы на время не нашел надежного укрытия в виде литературы. Он закончил с отличием университет, занялся научной работой в области филологии, женился на однокурснице, впрочем, неудачно, потому что после двух лет брака выяснилось, что они друг другу чужие. Развод был спокойным. Вскоре Монахов познакомился с Ниной, в которой увидел нечто особенное, рожденное в его детских снах и юношеских грезах. Он подрабатывал сторожем в детском саду, Нина заведовала логопедическим кабинетом. По вечерам садик закрывался, Нина приглашала Алексея на чай или кофе, и под ароматные запахи чаепитий рождалось новое чувство.

И тут случилось неожиданное. Алексей серьезно заболел. После курса химиотерапии врачи настоятельно посоветовали Монахову на время оставить город и уехать в деревню или какой-нибудь крошечный поселок, расположенный вдали от крупных промышленных предприятий. Алексей подумал и согласился. Он созвонился с газетной редакцией городка Н., в котором когда-то проходил армейскую службу, и получил приглашение на работу. Городок этот располагался в живописнейшем уголке средней полосы России – местечко заповедное. Нина сначала отказывалась бросать работу в садике и следовать за Алексеем, однако влюбленность была взаимной, а когда происходит именно так, то решения принимаются спонтанно. «Рай в шалаше» – это реальность для тех, в чьих душах поселился опьяняющий божок Эрос. Молодые люди отправились на новое место жительства в середине лета.

*** **

В вагоне поезда было душно. Несмотря на приоткрытые окна, воздух спрессовался и стоял тяжелым маревом из запахов людей и поклажи. Густым облаком застыла жара на улице, упругой массой она летела вместе с поездом, болтаясь на поворотах путей, как икра в разбухшем брюхе несущейся на нерест рыбы. В Н-м направлении ехали в основном дачники. Вырвались из пыльных объятий города и устремились к речке, лесу, неторопливым огородным делам, шипящей на одной волне радиоточке. Долой съедающую человека изнутри цивилизацию! Да здравствует первобытность и добровольное рабство лопате и граблям!

Нина устало положила голову на плечо Алексея и, подремывая, цеплялась ускользящей мыслью за любимые стихи Пастернака, которые действовали на нее охлаждающе, как кондиционер или свежий воздух: «Еще кругом ночная мгла, еще так рано в мире, что звездам в небе нет числа, и каждая как день светла, и если бы земля могла, она бы Пасху проспала под чтение Псалтири...» Алексей прикоснулся губами к ее волосам и улыбнулся. Ощущение какой-то новой свободы приближалось к нему, как долгожданный дождь после длительной засухи. Доктор прав: перемена места жительства – это лекарство. И дело не в том, что сам от себя никуда не убежишь. Пожить год в заповедном уголке, без друзей, знакомых, родственников, с дорогой сердцу женщиной – это ли не счастье? А счастье всегда целительно. Это знают не только медики. Терапия счастьем – самое сильное лекарство. Исцеление любовью и творчеством. *Терапия*. Написать роман-притчу о человеке, который мучительно долго искал и нашел, наконец, путь вселенской любви. И пошел по нему. Это ли не лекарство от дурных мыслей?

На очередной станции в вагон вошла любопытная парочка. Мужчине было на вид лет тридцать-тридцать пять, женщина выглядела значительно моложе. Они втащили с собой огромную сумку-холодильник, в которой обычно перевозят еду на пикники, устроились на свободных местах и почти сразу начали ссориться, не обращая внимания на пассажиров.

– Я считаю, что ты должен был проявить принципиальность, – поджав губки, с раздражением говорила женщина. – Неужели ты испугался этих хулиганов? Они не посмели бы среди бела дня учинять драку. Ну, даже если бы и посмели? Неужели ты не смог бы ответить? Ты... ты... ты трус, Леня! Мне за тебя стыдно.

Пассажиры с любопытством косились в сторону женщины, осуждающе качали головами, смотрели сострадательно на мужчину.

– Ольга, я с самого начала был против этой затеи с мясом, – повернувшись к окну, отвечал Леонид. – Мы с тобой давно отказались от мяса, потому что животных убивать и кушать нельзя. Но ты настояла на этой торговле шашлыками, и вот результат. Против кармы не пойдешь. Эти парни местные боксеры. Что я бы мог сделать? Димки нет рядом, а я один... кто? Они бы меня просто изуродовали и все. Кармическая отдача. Закон причины и следствия. Не надо было с самого начала ввязываться в авантюру. Мы художники, а не торгаши. Нужно признать, что мы совершили глупость. Продали лучшие работы для того, чтобы купить бычка, оплатили его убийство, расчленение и сделали попытку продать шашлыки. Ты знаешь, кем был этот бык в прошлой жизни? Может быть, принцем Гаутамай?

Женщина рассмеялась.

– Ну, ты и осел, Леня. Уже в этой жизни ты осел. Нет, ты не осел. Ты бог ослов.

У «бога ослов» была интересная внешность: лысая макушка, рыжая борода клинышком, тонкая шея, белое, несмотря на середину лета, лицо. С Ольгой он разговаривал так, будто все время за что-то извинялся.

– Ольга, прошу тебя, давай не будем ругаться. Пусть я осел, пусть я бог ослов. В таком случае ты и себя обзываешь. Если твой муж осел, значит, ты жена осла. Богиня ослов?

Ольга покраснела и что-то зашептала на ухо своему спутнику. Вероятно, почувствовала себя виноватой.

Когда поезд высадил пассажиров в городе Н., на перрон вместе с Алексеем и Ниной сошла и странная парочка. Проводив их взглядом, Нина спросила:

– Ты что-нибудь понял?

– Это кришнаиты. Они считают, что жизнь развивается по строгому закону причинно-следственной связи. Люди перерождаются в животных, если карма плохая. Поэтому животных нельзя кушать. Потому что можешь съесть своего покойного прадедушку или соседа.

– По-моему, они только что публично ели самих себя, – сказала Нина.

– Ты права, – с улыбкой ответил Алексей. – Говорят, что нет существ, кровожаднее вегетарианцев, которые давно не ели мяса. Они начинают набрасываться на людей.

*** **

Ведомственная квартира, обещанная главным редактором газеты, находилась в двухэтажном деревянном бараке, который местные жители называли «пьяным». Так и говорили: «Пьяный барак». Об этом доме в городке слагались легенды, достойные мрачных сказаний Эдгара По. Несколько лет назад в мужском туалете нашли повешенным одного из жильцов первого этажа, который сильно задолжал продавцам самогона. Милиция сочла, что преступления не было, и пьяница повесился сам. По ночам же вскоре после этого стали слышаться завывания призрака, который, по словам жильцов пьяного барака, указывал на своих убийц и сердился от того, что местная милиция спустила его дело на тормозах.

Ночами обыкновенно барак не спал. Когда соседние дома засыпали, в бараке открывалась своя особая жизнь с попойками, драками и прочими атрибутами устойчивых многолетних пьянок. Однажды кто-то из подвыпивших гостей пошел в туалет и там увидел самоубийцу с петлей на шее, который силился что-то сказать, да не мог из-за того, что веревка туго впибалась в шею. Гостю стало плохо, и он рухнул с сердечным приступом на ступеньках туалета. В больнице едва откачали беднягу. С тех пор он не брал в рот ни капли вина и обходил пьяный барак стороной.

По телефону Алексей узнал, что ключ от квартиры находится у соседей. Молодые люди поднялись на второй этаж. Соседская дверь была приоткрыта. В проеме проглядывалась фигура растрепанной женщины лет сорока. Монахов откашлялся и вежливо попросил ключи.

– Новоселье надо обмыть, – сирым голосом ответила соседка и ушла вглубь завесы табачного дыма, откуда через минуту явилась с ключами. – У нас традиция. Нарушать нельзя. Выпивка ваша, закуска наша. Мой Сашок за самогонкой сбегает, если нужно. На втором этаже не берите. Дрянь! Берите на первом. У Люськи. Она и в долг дает.

Женщина подняла хмельные глаза на Алексея и, не дождавсь ответа, отдала ключи и шумно зевнула.

– Ну, позовете, если что. Меня Веркой зовут. В стену кулаком постучите, я подойду.

Алексей открыл квартиру, втащил поклажу, за ним вошла Нина. Комнатка была крошечная, потолки низкие, стены несли на себе следы проживания бывших жильцов. Судя по пестрым картинкам и фотокарточкам, люди здесь жили самых разных мировоззрений. Многорукий красавец Кришна, заигрывающий с пастушками, соседствовал с репродукцией католической иконы Божьей Матери, державшей на руках распятого Иисуса. Вставленные в рамочку фотографии атлетов-мужчин находились рядом с литографией лица Льва Толстого – могучая сила телесного и духовного; а детский рисунок кошки, которая напоминала маленького слона, наполовину скрывал обнаженных женщин французских импрессионистов. Видимо, каждый, кто когда-нибудь здесь квартировал, считал своим долгом оставить после себя знаки своих увлечений.

Нина растерянно смотрела по сторонам.

– Да, – протянула она невесело. – Почему-то я не думала, что будет так беспросветно.

Женщина подошла к окну и брезгливо открыла форточку. Алексей начал вытаскивать вещи из сумок.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он. – Соседей или квартирку?

– И то, и другое, – ответила она. – Но люди главное.

– Брось, Нина, люди как люди. Пороков только своих не скрывают. А кто ж из нас без греха?

– Неужели ты сможешь здесь писать? – Нина подошла к стене и несколько раз постучала по ней костяшками пальцев. – Слышишь? Тут нет никакой звукоизоляции. Фанерная перегородка. Мы будем жить, как в коммунальной квартире.

– Привыкнем. В конце концов, это только на год.

Алексей повернулся к вещам и вдруг раздался истошный вопль Нины. Он быстро обернулся. Женщина стояла в какой-то судорожной позе, боясь шевельнуться, и глядела на стену прямо перед собой.

– Что случилось? – спросил Алексей.

– Здесь таракан, – выпучив глаза, прошептала женщина.

– Ты что, никогда тараканов не видела?

– О, господи! У меня на эту мерзость аллергия. Давай снимем квартиру в нормальном доме. Я здесь жить не смогу. Спать не смогу. Мне будут повсюду мерещиться тараканы. Я начну болеть.

Мужчина подошел к стене и пригляделся к насекомому.

– Успокойся. Он неживой. Наведем здесь порядок. Промажем углы гелем. Честно говоря, я не думал, что у редакции ведомственная квартира в таком доме. Видно, не богато живут. А что ты хочешь? Это ж не город. С чем-то придется смириться. Зато будет, о чем вспомнить! – попытался он подбодрить Нину. – Первую ночь посним при включенном свете, а там поглядим.

Нина немного успокоилась, начала помогать распаковывать вещи; но когда Алексей стал собираться в редакцию, женщина категорически настояла на том, чтобы он взял ее с собой. Остаться одна в пьяном бараке она робела.

*** **

Редакция размещалась в двухэтажном домике в центре города по соседству с опорным пунктом милиции и местной администрацией. Нина взялась пробежаться по магазинам, Алексей вошел в подъезд и поднялся на второй этаж. В редакции было пусто. Какая-то женщина, похожая на секретаря, лениво стучала по клавишам компьютера. Унылость и запустение царили в коридорах четвертой власти. Женщина оторвалась от компьютера и посмотрела на вошедшего гостя поверх очков.

– Это вы наш новый сотрудник? – спросила она. – Присаживайтесь. Меня зовут Елена Сергеевна Царева. Я главный редактор «Н-й правды». Остальные на обеденном перерыве. Как устроились? Как соседи?

Алексей присел на стул и улыбнулся. У Елены Сергеевны было лицо с печатью. Есть такие категории лиц, на которых профессиональная принадлежность становится вросшей в плоть маской. У нее было лицо *педагога со стажем*.

– Спасибо за жилье. Соседи как соседи, – ответил Алексей. – Только тараканы... Моя жена, видите ли...

– Ах, тараканы. Да. Тараканы – это общая беда. Когда травят на втором этаже, эти паразиты бегут вниз. Когда травят на первом, мигрируют наверх. Все как у людей, – сочувственно покачала головой Елена Сергеевна. – Но у нас нет другого жилья. Я ознакомилась с вашим личным делом. Признаюсь, не поняла, почему вы оставили научную работу, большой город, карьеру и решили пожить здесь. У вас была какая-то веская причина?

– Во-первых, ваш городок мне знаком по службе в армии. Лет десять назад у вас была воинская часть в лесу.

– Да-да, ее давно расформировали.

– Ну, а во-вторых, мы с женой решили пожить вдали от городской суеты. Так сказать, подышать полной грудью, прильнуть к животворящему источнику простой жизни.

Елена Сергеевна саркастически улыбнулась.

– Ну, что ж, поживите, поработайте, подышите. А мы посмотрим, насколько вас хватит. У нас тут ведь особый колорит. К нему привычка нужна. Тараканы в квартире – это мелочь по сравнению с тараканами, которые живут в головах. Ну, хорошо, пугать больше не буду.

Давайте обговорим фронт работ, и вы можете приступать хоть с понедельника. Мне бы хотелось, чтобы вы вели в газете криминальную рубрику, – проговорила она. – Ох, не люблю я этого слова. Криминал. Страшно становится. Однако сверху просят. Времена нынче, сами знаете, какие. Люди хотят знать. По городу бродят слухи. Многих это пугает. Наша задача – успокоить людей, дать квалифицированную информацию. Вы согласны?

Алексей, немного подумав, кивнул.

– Вы сказали, что по городу бродят слухи, – сказал он. – Кто-то их специально распространяет?

– Возможно. В семье не без урода. У нас замечательный мэр. Может быть, кто-то из недоброжелателей? Ну, поживете-увидите, – выдохнула она и после небольшой паузы прибавила: – Насколько я поняла, ваша жена по образованию дефектолог? В некотором смысле моя коллега? Пусть сходит в интернат для умственно-отсталых детей. Я позвоню директору. Логопедом ее, может быть, не возьмут, но воспитателем на группу точно примут. Почти двадцать лет я отработала там директором, а начинала с воспитателя. Но, как говорится, мы предполагаем, а бог располагает. Я не жалею, что возглавила единственную в городе газету, – с гордостью заключила она.

*** **

Нина готова была мириться со всеми трудностями бытового характера, она горячо любила Алексея. Единственное, что могло навести на нее страх, был алкоголь, который даже в малых количествах был противопоказан Монахову. Однажды она стала свидетелем трехдневного запоя Алексея и с ужасом наблюдала за переменами, которые происходили с умным, спокойным, интеллигентным человеком.

Алексей не мог выпивать в меру, и после двух-трех рюмок водки его начинало нести, как корабль, который потерял управление и попал в сильнейшую бурю. Кроме того, после перенесенной химиотерапии организм Монахова был ослаблен, иммунитет не выдерживал нагрузок спиртным. Да и наследственность отставляла желать лучшего. Алкоголь был той страшной стихией, которая погубила его отца, деда, прадеда, половину родственников по мужской линии. Большинство Монаховых из-за вина превратились в инвалидов, растеряли таланты, погибли задолго до срока. Вино для Монаховых было злым роком.

Поэтому, когда Алексей купил по дороге домой бутылку водки, у Нины это не вызвало энтузиазма, а у входа в пьяный барак у нее на глазах заблестели слезы. Алексей обнял ее и попытался приободрить.

– Думаю, водка для нас сейчас просто необходима, – сказал он рассудительным тоном. – Приведем в порядок нервы, поговорим. А то мы с тобой все в каком-то беге. Суета, кругом была суета. А тут погляди-ка – тишина, покой, радость. Даже трамваев нет. Машин тоже. Люди ходят пешком или перемещаются на велосипедах, как в Голландии. Красота. Мы еще с тобой любимся в эту деревню так, что не захотим уезжать.

Нина смахнула слезы с ресниц и улыбнулась.

– Прости, это у меня от нервов, – ответила она. – Первый день на новом месте.

– И ты меня прости. Водка не всегда яд, иногда она бывает лекарством.

Они вошли в дом и поднялись на второй этаж. Пьяный барак только начинал просыпаться. Со стороны единственной на этаж кухни доносилась веселая болтовня. По коридору расхаживал высокий толстый мужчина в открытой майке. Все руки его были изрисованы морскими татуировками. Он был в приподнятом настроении и что-то напевал себе под нос. Увидев молодых людей, он прижался спиной к стене, пропустил их, и, заметив, что Алексей достает ключи, пробасил:

– До вас здесь Людмила жила, журналистка. Она их всех тут гоняла. Человек! Челове-
чище!

Алексей метнул взгляд на эпатажную фигуру. Мужчина в майке театрально склонил
голову и громко произнес:

– Меня зовут Николай Поликарпыч. Здесь по трагическому стечению обстоятельств.
Обманули. Жулики. Выселили меня из собственной квартиры, нотариуса привели, все сделали,
как надо. Теперь я пью.

Из проема кухонной двери показалась растрепанная голова крашеной блондинки лет
сорока. Впрочем, из-за помятости лица возраст определить было трудно.

– Врет он все, – сильным прокурренным голосом произнесла женщина. – Эту байку он сам
сочинил, чтобы его жалели. А вы его не жалейте. Пропил свою квартиру, а деньги растерял,
придунок.

– Не растерял, а украли, – заревел Николай Поликарпыч. – Запомните, молодые люди,
в этом доме водятся корабельные крысы. Умные, злые, хитрые, похожие на людей. Они так
и норуют в карман залезть. Твой Петька с дружками у меня и вытащил, – крикнул он жен-
щине. – А может быть, ты сама! Чай, месяц потом гуляли, сволочи. Меня, дурака, поили
на мои же деньги.

– Нужны мне твои деньги, – брякнула голова и исчезла на кухне. – У меня Петька на двух
работах. Мне есть, на что пить.

– Крысы, – продолжал ругаться мужчина. – Тут одни крысы. Советую вам, молодые люди,
запирать кубрик даже тогда, когда в галльон уходите. Тащат все. Особенно этой крашенной
не доверяйте. Шалман устроила. Петька ее вор. На двух воровских работах. Они меня обчи-
стили. Вот их работа. Суки! Теперь я пью.

Алексей открыл дверь, и молодые люди вошли в комнату. Нина принялась сочинять
на скорую руку ужин. Через несколько минут сели за стол. Вообще в комнате не предназна-
чалась кухня, но прежними владельцами в углу прихожей был обустроен кухонный столик, газо-
вая плита с двумя конфорками и угрожающе огромным красно-серым баллоном со ржавыми
пятнами – так что, при желании, можно было готовить, не выходя из комнаты. Был здесь так же
и кран с холодной водой. Помещение отгораживалось от прихожей шторками. Для одного
непритязательного жильца этого было достаточно, но не для семьи.

Алексей налил две стопки. Нина устало улыбнулась и с жалостью посмотрела на изму-
ченного небритого мужчину. Алексей еще не конца поправился после болезни, поэтому долгий
переезд и обустройство на новом месте тенью и худобой легли на его лицо.

– Один писатель свой первый роман написал в лесу, в домике, в затворе. Дал себе обет
не бриться, пока не закончит книгу, – проговорил он, подавая женщине стопку. – Давай выпьем
за то, чтобы я сумел написать книгу без всяких обетов.

– Давай. Только не обижайся на меня, если в какой-то момент я проявлю слабость.

– Женщина имеет полное на это право.

– Возможно, я буду капризничать.

– Капризничай на здоровье.

Они чокнулись. Алексей проглотил водку залпом и подцепил вилкой кусочек колбасы.
Нина только пригубила.

– Там в городе нам с тобой было легче, – сказала Нина. – Спасала суета, от которой ты
бежишь. В суете легче жить. Не надо задумываться. Прозвенел будильник, быстро собрался
и на работу. Потом домой. И некогда оставаться наедине с собой. Может быть, это и есть сча-
стье? Нет тишины и ладно. Нет одиночества, и слава Богу. Я с трудом представляю нашу жизнь
здесь. Впрочем, ты всегда найдешь, чем заняться. У тебя литература, – ревниво произнесла
она. – Эта «дамочка» тебя не оставит. Я тебя тоже не оставлю.

– Нам придется привыкать друг другу заново. В провинции человек как будто без кожи. Он незащищен перед взглядами других. Тут некуда бежать. Все на лицо. Человек проявляется быстрее. С одной стороны это хорошо, с другой... Кстати, Нина, – неожиданно прибавил он, – ты в любой момент можешь вернуться в город. Я уважаю твою свободу. И если тебе захочется...

– Что? – воскликнула женщина. – Свободу? Какой же ты, Леша! Ты думаешь, мне нужна свобода без тебя? Дурак. – Она обиженно нахмурилась. – Ты влюблен в свое творчество. Жертвуешь ради него и своей свободой, и чужой. А ради меня ты вряд ли пожертвуешь творчеством. Значит, я для тебя на втором месте. Это эгоизм.

– Эгоизм? Возможно. Тот, кто любит, всегда эгоистичен в любви. Тот, кого любят, тоже. Кто-то из психологов назвал любовь практикой разумного эгоизма. Я не согласен с ним. Любовь – это, прежде всего, жертвенность. Способность отдавать без выгоды для своего «эго».

Алексей плеснул себе еще водки, но прежде, чем выпить, соскочил со стула, подошел к одной из не разобранных сумок и достал оттуда тетрадь с черновыми набросками романа.

– Вот, – положил он тетрадь перед Ниной. – Здесь будет притча о человеке, который пытается научиться любви. Жертвы. Настоящая любовь – это всегда жертва. Причем счастлив человек тогда, когда больше отдает. Даже свою жизнь. Вот это любовь. Да. Поневоле вспомнишь о том, что только в христианстве есть идеал такой любви. В других религиях и философиях всегда страсть, любовь, которая легко оборачивается ненавистью и убийством. Я не нашел ни одного определения любви, похожего на апостольский в Евангелие. Эрос у греков? Приятный божок, который дает наслаждение до тех пор, пока человек опьянен страстью. Проходит время, и от Эроса ничего не остается, кроме горького привкуса.

Алексей раскраснелся. Глаза его лихорадочно сверкали.

– Почему ты расстался со своей первой женой? – остудила его Нина вопросом, который раньше стеснялась задать. – Ты никогда не говорил об этом.

– Мы расстались, – нехотя отозвался мужчина.

– Почему?

– Она вторгалась в мою свободу. Мы были разные люди. Однажды я почувствовал себя пленником и решил вырваться из этого плена.

– Чем же она тебя пленила? – кокетливо спросила Нина. – Своей красотой?

– Капризами, – ответил Алексей. – Женщины обычно добиваются своего с их помощью. Опутывают мужчину сетью капризов, и он становится управляемой куклой. Марионеткой для исполнения желаний. Иногда сам того не ведая. Ему только кажется, что он любит, жертвует, – Алексей надавил на последнее слово, – а оказывается, что потворствует капризам любимой. Из этого, кстати, вытекает третье условие настоящей любви, – добавил он совершенно серьезно. – Первое – это жертва. Второе – жертва должна приносить счастье. И третье – жертва должна быть по-настоящему востребована. Можно растратить себя на всякую чепуху, вроде дорогих безделушек, отдыха на курортах, а можно помочь инвалиду встать на ноги, исцелиться. Не правда ли, это разные вещи? Любовь всегда врачует, а не калечит. Если калечит, то это не настоящая любовь, какими бы мелодраматичными красивыми фразами она не прикрывалась.

– Выходит, если бы я вдруг всерьез заболела и оказалась бы в инвалидном кресле, ты бы отдал всего себя только мне, а не своему творчеству? – спросила Нина.

– Ты слишком буквально интерпретируешь мои слова, – стусевался Алексей.

Он задумался. Врать не хотелось, а правда была ему еще не совсем ясна. Мужчина налил себе еще водки, выпил, потом долго ковырял вилкой яичницу, пытаясь подобрать нужные для ответа слова.

– Честно говоря, не знаю, – промолвил он, наконец. – То, что я тебя не оставил бы, это факт. А творчество? Не знаю. Не могу тебе этого сказать наперед. Я не святой, милая, поэтому и не знаю. Сам себя не знаю. Могу наговорить что угодно, а как поступлю в конкретной ситуа-

ции, не могу сказать. Постараюсь поступить в согласии с совестью. Но ум! Он же такая скотина, которая может оправдать любую гадость. Вот в чем дело. И совесть можно уговорить умом.

Нина растерянно заморгала. Она не знала, что ответить на это признание. Сказывалась водка.

– Скажи мне лучше, кто главный герой твоего романа? – спросила она, наливая себе и Алексею кофе.

– У меня один герой, – ответил Алексей. – Чудак, который ищет законы вселенской любви. Он пытается говорить на эту тему с людьми, а они принимают его за сумасшедшего. Он пытается донести до них благую весть, а они сажают его в психушку, распинают диагнозами. Делают шоковую терапию. Знаешь за что?

Он сделал долгую паузу для того, чтобы Нина смогла понять смысл всего того, что он говорил относительно своего будущего романа. Как ему казалось, слова, которые он намеревался произнести, были наполнены великим смыслом сами по себе. Это были такие слова, больше которых, по мнению Алексея, не было ничего.

– За то, что он призывает людей любить друг друга.

Монахов пил три дня: пятницу, субботу и воскресенье. Пил и тосковал по будущему роману. Пил и укорял себя в том, что не сообщил отцу и матери о своем отъезде. Отец и мать жили в разных городах. Пил и признавался Нине в любви, которую он не мог ей дать.

В понедельник, впрочем, мужчина поднялся раньше положенного времени, сбегал на речку, искупался в прохладной воде, начисто побрился, выпил три чашки крепкого кофе и отправился на работу.

3

«Боже, какую несуразицу я нес, – вспоминал Алексей свои разговоры по дороге на работу. – Это ж каждый по пьянке признается в любви ко всему человечеству, а соседка возненавидит. Интеллигентная болтовня. Пустословие. Сам ни на каплю не приблизился к пониманию любви, а рассуждаю, как святой. Гадость! Пьяная болтовня, не больше. Сам-то я хоть кого-нибудь умею любить жертвенно, так, как вчера глаголил? Если быть перед собою честным, то, как же я могу полюбить тех, в которых вижу самые гнусные человеческие проявления? Писатель. Хренова душа. Свое бревно, конечно, не видится. Я очень даже ничего. А другие? Все – мои будущие персонажи, с которыми я натешусь с помощью ручки и бумаги. Литературный мститель. Маньяк, убивающий людей на бумаге. Как можно еще обозвать человека, который вымещает всю свою мелкую злобу на посторонних людях, которые оживают литературными героями? А вдруг верно то, что всякий художник на том свете окажется сначала один на один со своими литературными героями? Что б тогда со многими писателями было? Ад. Это сущий ад перед самим адом. Мозгами, трезвой мыслью я, конечно, могу понять, что нет ничего лучше, приятнее, выше любви. Согласен и с тем, что тот, кто ненавидит, доставляет страдания в первую очередь самому себе. Но, как же можно научиться любить? Как? Если живешь страстями. Сегодня люблю, а завтра мне наступят на больной мозоль, так и возненавижу. Нина? Ну, если бы она, к примеру, открыто сказала мне, что я бездарь, что никогда у меня ничего не получится, что я – лишь философствующий лентяй, Обломов, мужик, что в романе Гоголя с умным видом рассуждает, доедет ли телега с таким колесом до города или не доедет? Что бы я сделал? Конечно, возмутился бы. Накричал. Возненавидел. Что-то же, однако, меня привязывает к ней. Не только ее жертвенная любовь ко мне. Жалость. Да, это верное слово. Жалость. Через нее-то и люблю. Наверное. Была бы она самодостаточна, довольна собой, не было бы в ней этих психологических заморочек, когда, к примеру, в детстве на ее глазах пьяный сожитель матери одним ударом о стенку убил ее котенка, наверное, был бы равнодушным к ней. Жалость – это не любовь. Жалость естественна, нет в ней никакого подвига, работы над собой. А любовь дается внутренними усилиями, долгой тяжелой работой духа. Но и через жалость можно полюбить. Разве найдется хоть один человек, которого будет не за что пожалеть? Едва ли. Даже самого последнего негодяя всегда можно за что-нибудь пожалеть. Что Иуда? Разве завидна его участь? Или Наполеон? Или Сталин? Святых только не пожалеешь. К ним испытываешь почтение и любовь без причин для нее, без поводов. Святых любишь за чистоту».

Так успокаивал себя Алексей, с неудовольствием вглядываясь в попадавшихся ему навстречу людей.

«Всегда найдется, за что пожалеть. Но всегда найдется и то, что вызовет отвращение. Кто же это сказал? Персонаж Достоевского? Если люди хоть на мгновение вывернут наизнанку свои души, то мир наполнится таким зловонием, что и дышать нечем будет. Ага. Вот за что и не любят Достоевского некоторые современные деятели культуры. Он не только о благовоениях пишет, а обо всем, что есть в человеке. А там есть и высокое, и низкое, и откровенно животное, и хуже животного. Велик и широк Федор Михайлович. Не стал бы его сужать. Вглядываться в людей – задача писателя. Но как можно возлюбить их после пристального вглядывания? Что это – моя болезнь или болезнь современности? Если я буду пристально вглядываться в людей и писать о них, я не смогу их любить. Нет, пристально вглядываться не буду. Помогут лица, эти китайские ширмы. Лицом всегда можно отгородиться от мира. Хорошо бы иногда подглядеть за лицом человека, когда он находится один в комнате и думает, что за ним никто не наблюдает. Много интересного можно было бы узнать о человеке. Любопытно, какое сейчас лицо у Нины? Возможно, пока я искренне интересуюсь ее прошлым, сочувствую детским переживаниям, она считает, что любит меня. Возможно...»

Алексей не заметил, как проделал путь до центральной площади городка. Все-таки здесь ему нравилось. Не было шума и суеты, люди никуда не торопились, не было общей нервозности; воздух был таким чистым и свежим, что распирало грудь. Казалось, что им не только дышишь, но еще и пьешь, как божественный нектар. В утренних неспешных прогулках содержится живительная сила. Как-то известный московский поэт в одной из телепередач давал рецепт успешного творчества: «Прогуляюсь в утренние часы по Измайловскому парку, стихотворение готово». Эту творческую энергию, растворенную в воздухе, ощущал Алексей.

Утром после планерки Елена Сергеевна представила Алексея. Новичку отвели стол в отделе культуры, которым заведовала Инна Игнатьевна Лебедева. «Культуры, как таковой, – шутила она, – в городе нет. Но зато есть заведующая отделом культуры». В ее подчинении была только одна журналистка – она сама, – и писала Инна Игнатьевна в основном о мероприятиях в детском садике «Колокольчик», школе-интернате для умственно-отсталых детей и единственной в городе школе-гимназии с экономическим уклоном.

Алексей взял подшивку газеты за год и быстро просмотрел материалы. Прочитав несколько статей, многое понял: казенный язык, множество штампов, практически нет авторского отношения к материалу. Казалось, что все статьи были написаны под копирку и выверены компьютером. Монахов вспомнил своего университетского преподавателя, который наивно верил в то, что в скором времени в российской журналистике вся постперестроечная пена рассосется, и будут востребованы *думающие* журналисты. Профессор подчеркивал эту категорию – *думающие*.

Ближе к обеду Алексей написал два письма, одно – отцу, другое – матери. В них он коротко рассказал о своих первых впечатлениях от городка Н. и «Н-й правде», туманно объяснил причины своего отъезда и вскользь заметил о новой гражданской жене. Мать и отец Алексея жили отдельно друг от друга в разных городах. Мама проживала в поселке Горном на Урале, а отец жил у себя на родине в Вологде. Так случилось, что они развелись, когда Алешке было всего пять лет. Мальчика воспитала бабушка по отцовской линии.

Иван Сергеевич Монахов был человеком пьющим, однако сын не держал на него зла. Он помнил, что, хотя отец и прикладывался постоянно к бутылке, он все-таки не терял рассудка, не скандалил, как многие, и, как это ни странно, очень любил читать. Можно сказать, что у него было две страсти – вино и литература. Вроде бы взаимоисключающие, однако, в Монахове слившиеся воедино. Почему-то он всегда гордился тем, что его называли не в честь какого-нибудь «интернационала или вождя мировой революции», а по имени русского классика Ивана Сергеевича Тургенева. Наверное, эта странная, почти патологическая любовь к литературе передалась отчасти и Алексею. Насколько он помнил своего отца, тот никогда не стремился к материальному обогащению. Жили они более чем скромно. Елизавета Андреевна не могла смириться с тихим алкоголизмом мужа, и вскоре после того, как Алеше исполнилось пять лет, прогнала мужа в Вологду к сестрам, тетушкам Алексея, вызвала свекровь для воспитания внука, и взялась устраивать свою личную жизнь. Физически и психологически Елизавета Андреевна была крепче своего мужа. Она спокойно перенесла развод, а через два года познакомилась с отставным военным Сан Санычем, который строил в поселке Горном большой каменный дом.

Когда Алексей вырос, а его старший брат Федор женился, мама оставила двум братьям трехкомнатную квартиру, а сама укатила жить к новому мужу. Бабушка, которая нянчилась с Алешей, вернулась в Вологду и вскоре умерла. Федор почему-то всегда больше тянулся к матери, а отца откровенно не любил. Еще в детстве он говорил о нем пренебрежительно – не иначе, как в третьем лице. «Где он? Куда ушел *этом?*». И так далее. А когда Иван Сергеевич приехал к Федору на свадьбу, тот не пустил отца даже на порог – столько было в старшем сыне непонятной злости. Алексей тогда заступился за отца и проводил его к одному из своих друзей, где накрыли стол и в честь встречи немного выпили. Иван Сергеевич, несмотря на обид-

ное поведение старшего сына, продемонстрировал верх благородства, ни разу не обмолвился о грубом поступке Федора. На следующее утро спокойно попрощался и уехал в Вологду.

*** **

Отношения с Федором у Алексея не складывались. Федя не умел и не хотел жалеть людей. После первой же крупной ссоры от него ушла жена, но он как будто и не заметил этого. Учился в аспирантуре, круглыми сутками пропадал в интернете, выныривая из виртуального пространства лишь для самых простых естественных надобностей. Занимался научными изысканиями, связанными с микробиологией. Компьютер совсем поработил его, и Алексей с тревогой наблюдал за теми духовными процессами, которые происходили в брате. Поистине потрясающее звучали слова одного американского психолога, который сказал, что «включая телевизор или компьютер, человек автоматически отключает в себе процесс формирования Человека». Федор часто был мрачен, озлоблен на жизнь, а в разговорах о человеке, которые иногда случались по инициативе Алексея, низводил духовное содержание жизни до уровня животных. С какой-то кривой ухмылкой, например, утверждал, что в человеке вообще нет духовной сферы, что все это выдумки шарлатанов и священников, что человек устроен так же, как обезьяна, и больших различий у нас и животных нет. Впрочем, иногда Алексею казалось, что Федор притворяется циником и вступает в полемики исключительно с целью позлить младшего брата.

– Послушай, дорогой мой, – не выдержал Алексей однажды. – Животное, даже самое неглупое, не различает, что такое добро и зло. Заметь, с этого начинается так называемая духовная составляющая жизни человека, которую ты так легко уничтожил. А в самой вершине этой духовной жизни находится любовь, которую ты, наверное, низведешь до обыкновенного секса. Кроме полового влечения есть еще и тонкая духовная энергия, которая зовется любовью. Неужели тебе это не ясно?

– Так сложилось в результате эволюции, то есть естественного отбора, – уже не так уверенно, но с прежней ухмылкой отвечал Федор. – Человеку было выгодно не убивать, жить с кем-то в мире, любить. Кстати, у животных в период брачного заигрывания тоже происходят любопытные вещи. Аквариумные рыбки и те меняют свой окрас. Любовь имеет вполне физиологическую природу.

– То есть скотскую? – воскликнул Алексей. – Как у свиней? Помнишь Гомеровскую Одиссею? Красавица-волшебница влюбила в себя Одиссея так, что он забыл и о Пенелопе, и о своих друзьях. Вскоре очнулся и спросил у красавицы, где его соратники? Она отвела его на солнечную полянку и показала поросят. И спросила: неужели человеку нужно еще что-то, кроме поросячьего счастья? Вкусно пожрать, поваляться на солнышке, поиграть. Получается, что ничего не надо? Один из друзей Дарвина прислал ему как-то записку: «Зачем обезьяне мозги философа?» Ответь мне, Федор, зачем?

– Так сложилось в результате эволюции.

Примерно час продолжался этот нелепый спор. В конце концов, Алексей раздраженно махнул рукой и вышел из комнаты, бросив напоследок: «Слушай, Федя, ты вроде бы ученый человек, а несешь какую-то чушь, ей богу! Мне жаль тебя».

...А однажды Федор разоткровенничался, и Алексею стало ясно, как глубоко в несчастном сидит ненависть к отцу.

– Такие люди, как наш папочка, – язвительно проговорил он. – Не должны иметь детей по определению. Когда он мечтал обо мне или о тебе, почему не задумывался о собственной несостоятельности? Почему? Ты его спросил, зачем он заводил детей? Что он мог нам дать? Никогда я ему этого не прощу, никогда. От его пьянства меня будет тошнить всю жизнь.

Пьет он, а тошнит меня. Таких папаш, как он, нужно стерилизовать. Ты все о любви толкуешь. А разве отец нас любит?

– Любит. Очень любит. По-своему.

– Не правда! Он любит только себя и свои пороки, – с побелевшим лицом ответил Федор и неожиданно прибавил: – Я вполне понимаю нацистов, которые хотели очистить человечество от недочеловеков. Они думали о будущем, заботились о своих детях, как в древней Спарте. А *этот* думает только о том, где бы ему напиться.

Алексей с ужасом посмотрел на брата и промолчал. А через неделю вдруг узнал о том, что Федор отправил отцу крупный денежный перевод – отправил просто так, без всякого повода. Поистине непостижим человек в своих проявлениях. В одном человеке может уживаться ненависть с любовью, скупость с необыкновенной щедростью, зло с добром.

*** **

В первый рабочий день Алексей знакомился с атмосферой редакции. У работы, как и у человека, есть свой дух, настроение и душок. Дух редакции был ленивым и скучным, настроение вялым, а душок – с примесью чеснока и сала.

Ответственным секретарем газеты был Эдуард Глухов, сын крупного, по местным меркам, бизнесмена. Журналистом *думающим* он не был, как не был вообще журналистом. В газете он вел странную для районной прессы рубрику «деньги к деньгам», в которой под псевдонимом «Бакс» рассказывал о различных финансовых операциях, которые происходили в мире большого капитала. Его основное образование было экономическим. Вероятно, папа сунул его в творческий коллектив людей пишущих по желанию самого Эдика. Зарплата у него была самая высокая в коллективе. Каким-то образом он сумел внушить главному редактору идею о том, что его рубрика выполняет очень важную педагогическую миссию. Иначе трудно было объяснить причину особого положения Глухова в газете. Возможно, папа его иногда вливал в бюджет *районки* некоторые капиталы.

Эдуард был нескладным некрасивым очкариком лет тридцати с очень высокомерным взглядом маленьких, чуть выпученных глаз. Монахова он принял покровительственно и попытался заговорить с ним на отвлеченные темы, однако разговор с самого начала почему-то не клеился. Возможно, потому что Эдуард был из того типа людей, которые умеют слышать только себя. В коллективе его не любили, но побаивались из-за скверного характера. Если ему кто-то становился неуютен, судьба этого человека была решена. Расправа была тихой и быстрой. И Елена Сергеевна делала вид, что она ничего не может предпринять в защиту опального журналиста.

После обеда Монахов зашел в милицию и познакомился там с майором Смотрицким, который заведовал общением с прессой. Раньше Смотрицкий работал замполитом. Он передал Алексею сводки за неделю и подробно рассказал о некоторых преступлениях. В числе последних было два убийства, одно изнасилование и четыре разбоя. В деревне Лаптево тридцатилетняя женщина раскроила молотком головы своим престарелым родителям за то, что они съели приготовленный ею суп. Пожилой майор сообщил, что подобные преступления здесь не редкость. Народ в деревнях спивался, а потому и преступления были кровавыми и бессмысленно жестокими. Цена человеческой жизни равнялась тарелке щей.

Слушая майора, Алексей вспомнил свои идеалистические рассуждения о вселенской любви и почувствовал неловкость. В наше время думать... говорить... проповедовать любовь могли бы только юродивые. Любовь непременно возведут в раритетную степень в музее человеческих чувств.

– А тут еще в Полипино на днях произошел чудовищный случай, – прибавил Смотрицкий. – Мы даже возбуждать уголовное дело не стали. Просто сумасшедший какой-то случай,

дикий, несуразный. Впервые с таким столкнулись. Старушку восьмидесяти лет похоронили в субботу, все чин по чину. А через сутки ее какой-то придурок выкопал и надругался. Нашли тело ее рядом с могилкой без одежды. Местные старушки теперь говорят: «И жить спокойно не дают. И помереть нельзя».

«Ну и времечко, жуть!» – думал Алексей, сидя в кафе и без аппетита жуя недоваренные пельмени. – «Какая уж тут любовь. Да. Затерли это слово до дыр. А ведь любовь – это закон, единственный закон, который меняет жизнь в правильном направлении. Обрети хоть немного любви, и тысячи спасутся. А видел ли я хоть раз человека, который любил бы других, не обращая внимания на их недостатки? Нет, не видел. А есть ли такие люди? Сегодня не знаю. Раньше были точно. Почему в русском языке не придумали других слов для выражения оттенков любви? Мы привыкли одним словом „любовь“ выражать далеко не одинаковые свойства. Любить родителей, страну, женщину, музыку, самого себя – вещи совсем не одни и те же. Любить можно, отдавая, или, наоборот, беря, отнимая чужое. Созерцая, наслаждаясь собственностью, мучаясь потерей. Бог мой! Оттенков у любви столько же, сколько наших настроений. И все это разное. Тогда что же лежит в корне? Жертва? Отдание себя без остатка? Почему же тогда в повседневной жизни такая любовь считается сумасшествием? Наверное, потому что все мы эгоисты, а эгоист поглощен только собой. Он не способен любить так, чтобы отрывать от себя, жертвовать. Впрочем, и у любви эгоиста множество разных оттенков. Иногда эгоист любит влюбляться, жить не может без новой влюбленности, как наркоман со стажем не может обходиться без дозы. Такая любовь зачастую приносит ему не только удовольствие физическое, но и горделивое ощущение удовлетворенности жизнью. Такие люди заводят романтические отношения с самой жизнью, тащат ее в постель, а если последняя сопротивляется, берут ее силой. И удовлетворяются самым извращенным способом. Сотня оттенков эгоизма. Тогда как отличить одну любовь от другой, если со стороны все они очень похожи? Чем, например, отличается жертва христианского мученика от подвига Александра Матросова, закрывшего своим телом вражеский пулемет? Смертельный подвиг – это наивысшее проявление жертвы. Нет выше подвига, чем душу свою положить за ближнего... если зерно, брошенное в землю, не умрет, то не даст плода...» – Алексей улыбнулся. – «Но ведь бывает еще любовь-заблуждение, и между такой любовью и истинной целая гамма различных чувств».

В кафе, в котором обедал Монахов, было несколько столов и барная стойка. Кафе называлось «Чародейка» – манящее, языческое, кокетливое название. В зале сидели за столиками и пили пиво местного разлива в основном рабочие люди. Было накурено и душно. Стоял характерный для подобных заведений гул: посетители без стеснения разговаривали во весь голос; по желтым занавескам, закрывающим кафе от улицы, ползали насекомые. Кажется, от густых пивных испарений даже божьи коровки были пьяны.

После откровенных рассказов майора Алексею было немного не по себе. Молодой человек как-то уж слишком живо представил себе трагическую сценку преступления в Лаптево, да и нервы были на взводе от последних событий жизни, начиная от резкого заболевания и лавинообразного исцеления, заканчивая внезапным отъездом из города. Все-таки как бы ни готовил он себя психологически к перемене места жительства, переезжать из мегаполиса в мелкий провинциальный городок, менять круг общения, было процессом болезненным для души. Чтобы немного отвлечься и успокоиться, Алексей решил отведать местного бочкового крепкого пива. Он заказал пиво и крабовые палочки, залпом выпил первую кружку. Напиток был светлым и крепким, и приятно отдавал медком. Мысли его постепенно выпрямились, прояснились, стало уютно в теле, и он с любопытством огляделся. За соседним столиком сидело трое мужчин с красными неопрятными лицами и женщина, по внешнему виду которой нетрудно

было догадаться о том, что она являлась завсегдатаем питейных заведений. Мужчины говорили о чем-то своем. Женщина, неуклюже подперев ладонью щеку, усталым немигающим взглядом смотрела в одну точку. Примерно такие же посетители были за другими столиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.